

А. Л. ДОБРОХОТОВ

Данте Алигьери

<Фрагмент>

Глава VII

Данте и его поэма никогда не знали забвения, но слишком точно сбылось предсказание Каччагвиды: «Твой крик пройдет, как ветер по высотам...»¹ Новая жизнь «Комедии» начиналась лишь тогда, когда та или иная эпоха достигала высот своего развития и кто-то из ее великих обнаруживал, что эта поэма — нечто большее, чем поэтическая энциклопедия средневековья (см. историко-литературный анализ И. Н. Голенищева-Кутузова²). Возможна ли новая жизнь Дантовой философии и была ли она чем-то, кроме свода знаний средневековья? Э. Жильсон посвятил свой основательный труд доказательству того, что Данте — поэт, и только поэт³. Но даже если мы допустим, что нам точно известно место поэта в духовной жизни эпохи, сумеем ли мы так же точно объяснить философу, где в его идеях кончается мир понятий и начинается мир образов и на чем основывается способность понятия не только обобщать данное, но и порождать невиданное? Нет сомнения, что поэтическое воображение позволило Данте гармонично соединить в великом сюжете многие учения и идеи средневековых мудрецов. Почти все теоретические конструкции «Комедии» можно возвести к тем или иным источникам, и наличие некоторых оригинальных комбинаций идей мало что меняет в нашей оценке поэмы Данте как свода достижений средневековой мысли, поскольку эти новации также носят вторичный характер. Но стоит нам чуть отвлечься от

вылавливания идей в тексте «Комедии» и обратить внимание на то целое, элементами которого являются концептуальные построения, как мы увидим, что идеи потому и нашли себе такое удобное место в структуре поэмы, что сама ее художественная стихия приобрела характер философии.

По крайней мере одна интуиция Данте делает его поэму фактом истории философии. Данте первый (и, может быть, единственный) ощутил, что современный ему духовный мир есть нечто большее, чем идеи и течения, его составляющие. Он попытался взглянуть в лицо своего века, и это ему удалось. Данте увидел зрелое средневековье как целое. Его эпоха богата гениями, но они были слишком заняты своими делами, чтобы посмотреть на современность с высоты теории. Даже Иоахим Флорский и его ученики были погружены в заботы святого духа, и дух культуры средневековья не существовал для них как самостоятельная реальность. Данте сознательно берется судить свое время, и, что бы ни вдохновляло его — астрологические расчеты или политические предвиденья, — выводит колоссальную формулу века, создавая «Комедию». Особенно наглядна его интуиция в изображении групп политиков или философов: антиномии, полагает Данте, несовместимы только в суетной повседневности, но эпохе они-то в первую очередь и нужны, это ее строительный материал, на котором она проявляет свои синтетические силы, или, говоря языком Дантовой философии духа, любовь. Данте гордился своей беспартийностью; биографы видят в этом только выражение политической позиции или черту характера, но Данте просто не мог совместить свою миссию с узкой кастовостью. Он должен был стать сознанием эпохи, а не ее персонажем.

В свете этого приобретают философский характер многие его размышления и образы, не оформленные в концепцию. Историзм «Комедии» проложил пути идеям Дж. Вико и историзму XVIII–XIX веков. Мечта о Риме будущего и обличение «жадности» перекинули мост через буржуазную эпоху к современному критицизму. Персонализм Данте, его предпочтение индивидуума абстракциям созвучны гуманизму XX века. Но здесь мы говорим о том, что стало философией впоследствии. Для Данте все это входит в единую интуицию рождающегося нового века, интуицию, обостренную эсхатологическим чувством финального характера этого века. Не итогами средневековья и не зарей Ренессанса была философия «Комедии», а свидетельством рождения самостоятельного

типа культуры, который коренился в духовной действительности XIII века, но не воплотился в социальную действительность.

Посмотрим на основные черты этого типа культуры, обрисованного в поэме Данте. Философия любви, появившаяся в новом облике благодаря Франциску и Данте, требует такой системы ценностей, которая опиралась бы на столь же новую эмоциональную культуру. Ее сердцевина — уверенность в тождестве этического и эстетического начал, коренящемся в тайне личности. Личность для Данте — это загадка богоподобия человека, которую надо не разгадывать, а воплощать в жизнь, где она и проявится в свободе, любви, творчестве. Но главное условие воплощения — само существование индивидуума. Данте не был одинок в своем ощущении первичности индивидуума: его современники — Дунс Скот, Оккам, Экхарт — создавали философию индивидуума и этику воли в полемике с абстрактным рационализмом некоторых течений схоластики XIII века. Но никто, кроме него, не соединил теоретическую и эмоциональную сторону персонализма. Живопись после Джотто начинает двигаться в этом направлении, но, естественно, ею руководит инстинкт художника, а не теория. Только Данте удалось в идеальном равновесии удержать все аспекты общей для ряда деятелей культуры интуиции. Тайна Беатриче в том, что она индивидуум, личность и идеальная сила в одно и то же время. Другими словами, она конкретный человек, неповторимый душевный мир и персонализация небесной мудрости. Это предопределяет и характер любви Данте: она — событие его личной жизни, проявление в личном сверхличных ценностей и прорыв в мир универсального смысла. Можно сказать, что слияние «лица» и «символа» в живой индивидуальности и любовь как соответствующее индивидуальности чувство есть формула персонализма, выработанного культурой XIII века. Заметим одну особенность Дантова путешествия. При чтении «Комедии» ее герой воспринимается как постоянная составляющая действия, а ландшафты и события — как переменная. Но если воспользоваться подсказками Данте и обратить внимание на изменения в духовном облике героя, то переменной станет он сам, а постоянной — три мира, в которых герой побывал. Эволюция «я», скрытая динамикой сюжета, — показательный пример персонализма эпохи.

Когда Данте говорит о двойном благословении своей поэмы, на которую возложили руку земля и небо («Рай», XXV, 2), он также дает своеобразную формулу интуиции новой культуры.

Без тяготения земных начал, дробящих единое на многое, вовлекающих всякую плоть в поток страстей, нельзя представить себе индивидуальность. Но эти же силы могут ее и обезличить. Поэтому необходимо благословение «снизу», обеспечивающее равновесие. Благословение «сверху» также необходимо, чтобы личность не растворилась во всем. А так как поэму свою Данте считал священным творением и подражал небесному творцу, насколько мог, то в его поэтическом самосознании выразилось и понимание задач человечества в целом. Из плена эгоизма и корысти люди должны вырваться в мир истории, а историей может быть только такой ряд событий, когда нечто, оставаясь собой, становится в то же время другим; сохраняя связь с землей, принимает благословение неба. Данте полагает, что осуществить это можно жизнью, а не идеей, и потому соединяет идеи в художественное целое. Здесь — редкий в истории культуры сознательный переход от логоса к мифу, причем к мифу, который служит утверждению нового типа логоса.

Что это действительно так, подтверждено недавно исследователями и переводчиками Гегеля на английский язык Дж. Доббинсом и П. Фассом⁴. Они выяснили, что в «Феноменологии духа» прослеживается сквозная система аллюзий на «Божественную Комедию», причем благодаря этому выясняется, что многие идеи Гегеля имеют близкое соответствие в теоретическом универсуме «Комедии». Таким образом, Гегель проделал обратный путь, возможность которого была заложена в «Комедии»: он превратил ее миф в логос. Можно предположить, что философия всегда развивалась именно так, кристаллизуясь из мифопоэтической стихии в одних эпохах и соединяя свои раздробленные силы в мифопоэтической стихии — в других.

